ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ: МЕЖДУ ИСКУШЕНИЕМ НОВЫМИ ТЕОРИЯМИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

Дробижева Л.М.,

доктор исторических наук, профессор,

руководитель Центра исследования

межнациональных отношений,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

профессор-исследователь НИУ-ВШЭ,

Москва, Россия.

E-mail: drobizheva@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются усилия российского научного сообщества по деполитизации этничности, изменению теории этноса, формированию новых подходов к пониманию этничности, соответствующих трендам мировой науки, показано влияние науки на институциональное пространство: изменения названия научных дисциплин и ассоциаций, формирование новой политики идентичности. Затем на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» и проекта Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» анализируется, как это повлияло на представления о значимости этничности в массовом сознании.

Автор приходит к выводу, что влияние науки на изменение в сознании людей в сфере этничности ограничивается амбивалентностью политики идентичности в России в 2000-е гг. и инерционностью массового сознания.

Ключевые слова: этничность, этническая идентичность, деполитизация этничности, политика идентичности, массовые представления в сфере этничности, инерционность сознания.

DEPOLITICIZATION OF ETHNICITY: BETWEEN THE TEMPTATION BY NEW THEORIES AND SOCIAL PRACTICE

Drobizheva L. M.,

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Head of the Center for the Study

of Inter-Ethnic Relations,

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Professor-Researcher, HSE,

Moscow, Russia.

E-mail: drobizheva@yandex.ru

Abstract. The article reveals the efforts of Russian academic community to depoliticize ethnicity, to change the theory of ethnic, and to create new approaches to ethnicity research following main trends of world science. The article shows the influence of science on institutional space such as changing the name of disciplines and associations, and the new politic of identity developing. The analyzing of that changes influenced the idea of the importance of ethnicity in the mass consciousness is made based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) an FCTAS RAS project "The Dynamics of Social Transformation of Modern Russia's Socioeconomic, Political, Sociocultural and Ethnoreligious Contexts".

The author makes a conclusion that influence of science on public opinion about ethnicity is limited by the ambivalence of Russian politics of identity policy in 2000s, and by the inertia of mass consciousness.

Keywords: ethnicity, ethnic identity, depoliticization of ethnicity, politic of identity, mass view in the field of ethnicity, inertia of mass consciousness.

Введение

Триггером написания этой статьи были два события — публикация заключительной пленарной лекции ак. В. А. Тишкова на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России «Да изменится молитва моя: 30 лет спустя» [Тишков, 2019]¹ и обсуждение поправок к Конституции 1993 г. в январе–марте 2020 г. В научном и политическом дискурсе в них со всей очевидностью проявилась турбулентность деполитизации полиэтнического пространства России.

В 1980-е гг. на волне горбачевской перестройки в рамках межакадемических обменов проходили симпозиумы советских и американских ученых-обществоведов. На них обсуждались научные проблемы, но за ними реально стояли вопросы теории, идеологии и связь их с практикой. На этих встречах в Новом Орлеане, Нью-Йорке, Москве, Таллине участвовали и мы с В. А. Тишковым. Валерий Александрович описывает впечатления наших американских коллег (в частности К. Вердери), которые воспринимали наше теоретическое объяснение этноса как идеологию, «удерживающую единство Советского Союза» [Verdery, 2018: 40]. Он лучше, чем все другие участники дискуссий, знал американскую историографию и глубже понимал смысл дискуссий. У меня сохранились записи, которые я сделала во время дискуссии в Таллине в 1986 г., чтобы поделиться с моими коллегами в Москве. «Не говорят этнос. Для них это самоидентификация, идентичность». «Все сводится к представлениям: “кто мы?”, “какие мы?”». «Эти представления ситуативны, но именно они объединяют людей, их интересует, какие маркеры границ у кого доминируют». Мы тогда не знали концепции Ф. Барта о социальных границах (его работа «Этнические группы и социальные границы» была опубликована в 1969 г., но доступа к их литературе у нас не было, а переведена она была лишь в 2006 г.) [Этнические группы... 2006]. Только

1 В расширенном варианте лекция была опубликована в виде статьи: *Тишков В. А.* Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 2. С. 73–138.

потом пришло осознание возможности другого понимания этничности. Пришло оно как ответ на вызов социальной реальности, как тогда говорили, «взбунтовавшейся этничности», национальных движений и конфликтов рубежа 1980–1990-х гг.

С того времени страна стала другой. В ней нет союзных республик, которые воспользовались правом на самоопределение, вплоть до отделения, имевшемся в нашей прежней Конституции. Республики в составе Российской Федерации по Конституции 1993 г. именуются не национальными, а российскими республиками. Русские из половины населения страны (51%) стали очевидно доминирующим большинством (81%). Но страна осталась полиэтнической: кроме русских есть 5,55 млн. татар, еще пять народов насчитывают более миллиона каждый, а всего этнодемографы дают по стране численность до 190–193 национальностей. И, естественно, специалисты и политики в нашей стране, как и в других странах мира, думали над тем, как обустроить общество, чтобы избежать кровопролитных конфликтов и межэтнических напряжений, поддерживать взаимопонимание между людьми разных культур. За прошедшие 30 лет произошли существенные изменения в институциональном пространстве и теоретических представлениях об этничном. Осмысление этих изменений важно прежде всего для того, чтобы понять, как они соотносятся с социальной реальностью.

Методология и методы

Цель данной статьи как раз и состоит в том, чтобы, рассмотрев основные тренды в теории этничности и межэтнических отношений, институциональные практики и действия акторов от имени разных сообществ, представить, как они согласуются с реальными социальными представлениями людей.

Таким образом, предметом рассмотрения будут изменения в теоретических подходах к пониманию этничности и межкультурных отношений, в институтах, изучающих эту сферу и управляющих ею, и представления в массовом сознании.

Эмпирической базой для анализа изменений в теоретических подходах к этничности будут прежде всего работы

В. А. Тишкова и его оппонентов, для рассмотрения институциональных форм — официальные документы, для изучения массового сознания — данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹ (14-я волна 2005 г., 24-я волна 2015 г., 27-я волна 2018 г.) и проекта Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018 гг.)

Теоретической основой работы явилась концепция конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана с теми пояснениями, которые давал ей Т. Лукман, предупреждая против упрощенного восприятия их теории, напоминая, что сами они опирались на идеи социологического объективизма Э. Дюркгейма, антропологические работы К. Маркса, понимающую социологию М. Вебера, феноменологию жизненного мира Э. Гюссереля и А. Шюца [Интервью с профессором... 2001:8]. Важны также идеи Ф. Барта о маркированности этнических границ, подход Р. Брубейкера к пониманию этничности без групп, классическая теорема Томаса и базовые принципы солидарности, обусловленные конкретной спецификой социума Я. Капеллера и Ф. Уолкенштейна [Kapeller, Wolkenstein, 2013].

Новые подходы в теоретическом осмыслении этничности и институциональные изменения

Модернизация отечественной этнологии началась в двух направлениях: институциональном и содержательном — в теории и деятельности. Нас, социологов, работавших в сфере

---

1 Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

этнических аспектов социальных явлений и отношений, касались прежде всего изменения в теории, и в какой-то мере направлений деятельности наших коллег, ведь в чем-то мы пересекались.

Когда я с коллегами перешла работать в Институт социологии в 2000 г., некоторые еще говорили: «Они из этнографии». Но такой науки к тому времени уже не было. С 1990 г. Институт этнографии РАН был переименован в Институт этнологии и антропологии РАН. Сделать это было непросто, но и достаточно легко. Не только потому, что главный инициатор, В. А. Тишков, был директором Института, но и по духу времени в стране — тогда критике в стране подвергалось многое, доставшееся от советского прошлого. А этнология действительно была репрессированной наукой. В 1930 г. из этнологии (знания) ее переименовали в этнографию (описание) не случайно, а с ориентацией только на описание зафиксированного. Так что за переименованием в этнологию скрывалась возможность открытости интерпретации увиденного.

Вместе с тем за данным институциональным решением крылась идея пересмотра и теории этноса, которая была связана с именем Ю. В. Бромлея. В советское время его теория оценивалась как некоторый прорыв в сталинском определении нации, поскольку Ю. В. Бромлей большое значение в определении этноса придавал этническому сознанию. Его подход корреспондировал с представлениями Э. Смита в 70-е гг. прошлого века, который считал, что нация и национализм — явления современности. «Нация — это искусственная категория» [Смит, 2002: 238], то есть создаваемая, но националистические притязания не могут быть поняты, если их трактовать сугубо функционально и считать, что они возникают из ничего (*ex nihilo*). На рубеже 1980–1990-х гг. новым теоретическим основанием, и это считалось недостаточным аргументом для пересмотра гранд-теории, стало: категориальный арсенал не адекватен, форма самоопределения в виде национальной государственности (республики считались национально-государственными образованиями) нереализуема, конфликтогенна и рискогенна. Помочь уйти от примордиалистских представлений защитников категории

нации в значении этнонации должен был конструктивистский подход. Институциональные изменения для этого были важны. Завершением прорыва в новом понимании дисциплины, как считает В. А. Тишков, было создание профессиональной организации «Ассоциации антропологов и этнологов России» в 2015 г. А прошедший в 2019 г. XIII Конгресс этой организации в своей программе отражал изменения как в предмете научной дисциплины, так и в круге источников, на которых работают исследователи-этнологи и социально-культурные антропологи. Из тысячи докладов, представленных на конгрессе, менее половины условно можно отнести к этнологическим, а остальные к разным направлениям социально-культурной и физической антропологии. Это и этническая категоризация, и межэтнические конфликты, насилие и толерантность, национальная (этнонациональная политика), городская, гендерная, юридическая антропология, другие сюжеты социально-культурной антропологии. Собственно, так и должны называться и дисциплины, и институт, но пока, как считает В. А. Тишков, время для этого не настало [Тишков, 2020].

Модернизация институционального научного пространства шла, можно сказать, во имя изменений научных представлений, понятий, терминов, которые связаны, как теперь говорят, с управлением идентичностью или, в российском понимании, нациестроительством. Первым шагом, сделанным инициатором реформирования и научного, и институционального пространства В. А. Тишковым, было разведение национального и этнического, что означало реально деполитизацию этничности. Ведь в период распада СССР национальные идеологи в республиках опирались на право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования отдельных государств, которое содержалось в Конституции СССР. Часть недовольных советской властью внутри страны и немало западных ученых-политологов объясняли этнический национализм, часто интерпретируя его как антиколониализм [The Soviet Empire ... 1989]. Тогда В. А. Тишков начал аргументировать необходимость оставить за термином нация понимание политической, гражданской нации. Именно она — российская нация обладает

суверенитетом, представляет государственную, гражданскую общность, в том числе на международной арене. С этими идеями В. А. Тишков обратился к широкому гуманитарному сообществу, не только к этнографам (антропологам), это видно по его публикациям [Тишков, 1990: 83–85; 1992, 1995]. Он выступал об этом на ученом совете Института социологии РАН, который вел В. А. Ядов.

Для социологов и прежде всего этносоциологов, отказ от этнокультурного содержания понимания нации был, прямо скажем, не столь драматичным. В мировой социологии объектом исследования была тогда этническая группа. Этот термин и мы использовали [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998: 11] параллельно с определением национальность (этничность людей), не испытывая трудностей на международных форумах. Но и понимание этнической общности переосмысливалось. Конструктивистский подход, который пропагандировал в этнологии В. А. Тишков, интерпретирует этническую общность не как «объективную реальность», а как сегмент общества, люди, осознающие и воспринимающие себя носителями общей культуры, исторической памяти и обладающие чувством солидарности.

Конструктивизм теперь общая парадигма социальных наук, в той или иной мере разделяется большинством социологов, этнологов, этнополитологов. Ответвлением конструктивизма является инструментализм, в котором особое значение придается пониманию этничности как процесса, в котором могут быть заинтересованы определенные группы, власть, лидеры. С точки зрения содержания ему придается в современных условиях особое значение, так как возможная смена этничности — «дрейф этничности» или ее ослабление. Еще в 1970-е гг. эту идею развивал английский этносоциолог Г. Абрамсон [Abramson, 1976]. При таких подходах пересматривалось формационное деление на племена народности нации. Политическая интерпретация этой научной концепции воспринималась как попытка представить Россию как «этнографическую протоплазму», как писал Р. Г. Абдулатипов, «в которой не находится места нациям, их специфическим интересам» [Абдулатипов, 1996: 232–233].

Двадцать лет назад такие мысли высказывали не только активные акторы в республиках, но и философы, этнологи, государствоведы в центре [Хаким, 1993: 30–32; Козлов, 1996: 98, 104]. Они не ушли и по сей день. За академическими спорами, как и раньше, стоят идеологические дискуссии между традиционалистами, которые обычно опираются на примордиалистские представления об этничности, и модернистами, придерживающимися чаще конструктивистских подходов.

Вот как пишет о тенденциях нашего времени В. А. Тишков: «В принципе этнореабилитанс (понимание этноса, как чего-то органического) можно считать невинным занятием, если бы не несколько “но”. А именно: нет ли в этом риска встраивания в общий консервативный поворот с его одержимостью поиска нормы в прошлом и с отказом от инновационных ответов на сегодняшние вызовы? Нет ли в этом риска сохранения первичности культурных норм <...> в ущерб принципам культурной свободы и культурной сложности? ...Ведь в теории этноса нет места русскому еврею или татаро-башкиру, а если и есть, то, как временное состояние или “антинорма”».

Были аргументы логического характера в отношении возможности, пределов конструктивистского подхода, ведь тексты могут читать все и слышать о каких-то идеях, видеть символы — флаги, гербы и т.д., но соответствующие воображения и представления появляются не у всех, а лишь у тех, кто обладает сходным жизненным опытом. Пределы в конструировании этничности ограничиваются инерционностью массовых представлений об этническом, а для кого-то национальном (в значении этнического). Собственно, это признавалось самими создателями этой концепции. Т. Лукман пояснял: формируемые представления — это конструкция конструктов [Интервью с профессором... 2001: 9], то есть, из того, к чему есть готовность в сознании людей.

В поддержку конструктивистскому взгляду на этничность вышла книга Брубейкера «Этничность без групп» [Брубейкер, 2012], переведенная в России в 2012 г. и ставшая очень популярной среди этносоциологов, социальных антропологов, этнологов. Она была направлена на необходимость избегать

приписывания группизма. Идеологами, выступавшими от лица национальностей, антигруппизм, естественно, мог интерпретироваться как подрыв солидарности. Но учеными идея воспринималась довольно естественно. С конца 1990-х гг., анализируя эмпирический материал, этносоциологи учитывали идеи Д. Хандельмана относительно различения этнических категорий, этнических сетей, ассоциаций и общин [Handelman, 1977; Социальное неравенство этнических групп... 2002], учитывали возможность номинальной, категориальной или ассоциативной этнической идентичности. Но и при таком подходе, с учетом идей Брубейкера этничность не эфемерна. «Общественная жизнь, — признает Брубейкер, — повсюду, хотя и неравномерно, структурирована по этническим линиям, и этничность встречается в различных повседневных обстоятельствах... и выражается не только в политических проектах и националистической риторике, но и в повседневных столкновениях, практических категориях, линиях здравого смысла, культурных идиомах... дискурсивных фреймах, организационных сетях и институциональных формах» [Брубейкер, 2012: 15–16].

Конечно, менялся язык нашей науки, мы чаще писали не «этнические группы», «общности», а «этничность», не «идентичность», а «идентификация», «категоризация», «самопонимание», связанность. Но на практике-то люди говорили иным языком. Понятия: «народ», «нация» (в этническом значении), «этническая общность» — не ушли из повседневного языка как русского большинства, так и людей других национальностей. В Конституции РФ 1993 г. не было слова национальная республика, но в политической практике это понятие использовали как в центре, так и тем более от этого понятия не хотели отказаться в республиках.

Начиная с концепции государственной национальной политики 1996 г. и принятия закона о национально-культурной автономии деполитизация этничности все время внедрялась в общественную практику на институциональном уровне.

И даже министерство по делам национальностей было ликвидировано. Создали министерство регионального развития. Но практика вносила свои коррективы. События на Манежной

площади 2010 г. настолько повлияли на политическую жизнь, что они обсуждались на заседаниях государственного совета. В 2012 г. майскими указами Президента РФ было принято решение о подготовке Стратегии государственной национальной политики (не этнической или этнонациональной) и создании Федерального агентства по делам национальностей. Турбулентность деполитизации этничности снова стала очевидной.

Тишков В. А. с дистанции трех десятилетий признавал, что главное препятствие в модернизации теории лежит «в социально-политической действительности, построенной целиком на концепте этнонационального государства», и в этой ситуации действуют другие факторы, аргументы [Тишков, 2020]. Испытания на поворот или продолжение турбулентности деполитизации этничности за последние годы происходили дважды — при обсуждении Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. в 2012 г. и изменений к ней в 2018 г., и затем в 2020 г. при обсуждении поправок к Конституции 1993 г.

В 2012 г. вставал вопрос об изменении названия самой Стратегии. Ведь уже тогда в российской науке существовало мнение о россиянах как о политической нации. Стратегия писалась в отношении народов, а называлась и называется национальной политикой. Оставалось только проинтерпретировать ее как политику нации, но так ее не воспринимали ни те, от имени кого она издавалась, ни те, кому она предназначалась. В тексте Стратегии самые большие споры, связанные как раз с деполитизацией этничности, были в отношении сохранения формулировки из Конституции 1993 г. о многонациональном народе (русской нации). На сохранении этой формулировки настаивали представители республик, которые не хотели отказываться от определения себя как нации, воспринимая это как потерю статуса, который был у них по российской и республиканским конституциям. В самом же тексте Стратегии упоминалось о федерализме, но в направлениях политики говорилось о культуре, языке, правах личности, но не народов (за исключением коренных малочисленных народов). Тренд к деполитизации этничности имел место, но коренного поворота не было.

Обсуждение изменений к Стратегии 2012 г. в 2018 г. сводилось по сути к тем же принципиальным вопросам. Продвижение к модернизации выразилось в том, что были даны понятия, использованные в Стратегии, в том числе, российская нация, государственная национальная политика, общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание). Все они давались в современном понимании, соответствующем отечественной и мировой науке. Редакция текста шла в направлении обращения политики к людям, к человеку, концентрации внимания на отношении государства и общества.

Новое испытание деполитизации этничности прошло при обсуждении поправок к Конституции 1993 г. в январе-марте 2020 г. На заседании рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию 27 января 2020 г. В. А. Никонов внес предложение в преамбуле заменить «многонациональный народ» на «многонародную российскую нацию». Он напомнил, что это предложение вносил В. А. Тишков и в Стратегии государственной национальной политики уже есть понятие «российская нация». «В современной науке, в политической практике, международной практике слово “нация” — это нация государства», — убеждал В. А. Никонов.

В. А. Тишков в беседе с корреспондентом «Бизнес Online» накануне обсуждения объяснял, что идея российской нации «ни в коем случае не отменяет этнонации... народы, которые называют себя нациями» [В рабочей группе... 2020].

Тем не менее деполитизации этнонации не произошло. Понятия «гражданская нация», «нация государства» в поправки в Конституцию 1993 г. внесены не были. Наоборот, можно было наблюдать усиление политизации понятия «народ». 3 февраля 2020 г. К. Затулин внес в рабочую группу по подготовке предложений в Конституцию, в ее преамбулу, формулировку «мы русские, в союзе с другими братскими народами, сплотившиеся в многонациональный народ (не нацию, а народ — *прим. автора*) Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле». Аргумент депутата был в том, что слово «русский» упоминается только в ст. 68 гл. 3, где говорится о государственном языке [Депутат Затулин внёс... 2020].

В преамбулу и эта поправка не вошла. Но в 68-й статье п. 1 была внесена поправка, в которой говорилось, что «государственным языком Российской Федерации является русский язык, как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». В этой противоречивой формулировке от политизации этничности не удалось уйти. Государствообразующий народ употребляется в этнокультурном значении, т.к. далее говорится, что он входит в многонациональный союз равноправных народов. То есть, можно понять, что с одной стороны, русские, как и другие народы, есть нация в этнокультурном значении. А с другой стороны, русские — государствообразующий народ, то есть ему придан особый политический статус. И таким образом, можно понимать, что государство создают не просто все граждане.

В доктринальном пространстве конкурентность самоназвания граждан страны и этнокультурных определений осталась. За ней стояли интересы элит разных сообществ и отдельных личностей, а идентичности приобретали идеологические смыслы. В такой ситуации исследователь стоит не просто перед сложным выбором той или другой теории, но и политической и социальной практикой.

Социальная практика

А практика порой становится драматичной, как это было с самосожжением удмуртского ученого, этнического активиста Альберта Разина, который принес на акцию протеста плакат со строками из стихотворения Расула Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть». Он протестовал против закона, по которому изучение национальных языков должно осуществляться на «добровольной основе». Эта либеральная формулировка поддерживалась большинством. Но Разин, и не только он, понимали, что два-три часа в неделю удмуртского, башкирского и др. языков республик, которые стали факультативными в результате поправок в федеральный закон об образовании, не только русские выбирать не будут, но

и многие дети из семей нерусских — тоже, поскольку эти часы могут стать дополнительными часами изучения русского, на котором им сдавать ЕГЭ. Удмуртский случай не единичный. Были случаи самосожжения крымских татар в советское время, актами самосожжения отмечены события так называемой арабской весны в Алжире, Тунисе, Египте в 2000-е гг.

Протестные движения в союзных республиках СССР все начинались с использования защитной идеологии в отношении языка и использования ее как мобилизующей силы.

Понимая, что «этнические чувства — тонкая материя», при выборе теорий важно опираться на знания реальной жизненной практики. Каждая научная дисциплина вносит свой вклад в ее изучение. Можно понять этнологов, которые с горечью пишут о кризисе в антропологии, примеряя на себя западные оценки состояния науки [Commaroff, 2011; Тишков, 2020] и их, может быть, досаду от того, что помимо социально-культурной антропологии есть этносоциология (она появилась раньше, на рубеже 1960–1970-х гг.)¹, этнодемография, этноэкология, этнопедагогика и еще 17 «субдисциплинарных кентавров», как пишет В. А. Тишков. Удивительно только, почему к ним не отнесена этнополитика, учебник по которой издал Валерий Александрович.

В научном пространстве из такого турбулентного состояния выйти можно. Этносоциология, тоже претерпев изменения, превращалась больше в социологию межэтнических отношений — отраслевую дисциплину социологии [Дробижева, 2018], по традиции сохраняя свое название. Труднее каждому исследователю и научному направлению выйти из искушений теорий, идеологий и политической практики, сохранив личное достоинство и выдержав принцип «не навреди». Путеводным ориентиром может быть завет наших учителей: функция социологии — это знание и понимание.

1 Ее не все находят в зарубежных словарях, но известны работы: *Harold J. Abramson. On the Sociology of Ethnicity and Social Change: A Model of Rootedness and Rootlessness // Economic and Social Review. 1976. Vol. 8. No 1. P. 43–59; Goetze D., Muehlfeld C. Ethnosozologie. Teubner, Stuttgart, 1984; и др.*

На протяжении 2000-х гг. пока ученые, старающиеся удержаться на уровне современной науки, реже употребляли понятия «этнические группы», «этнические общности» и переходили на употребление термина «этничность», судя по общероссийским опросам, этническая идентичность удерживалась и даже несколько выросла (рис. 1).

Она выросла меньше, чем российская идентичность за эти годы — на 6 пп. (в сравнении с российской, которая выросла на 14 пп.), но больше, чем идентификация людей по профессии, по возрасту, которые практически не изменились (на 1–2 пп.). Была некоторая актуализация этнической идентификации и ее рост в 2015 г. как следствие подъема этнических чувств в период воссоединения Крыма.

Этническая солидаризация не снижалась. Причем согласие с мнением «*В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности*», среди русских мало отличалось от людей других национальностей по общероссийским опросам (рис. 2).

Среди русских установки этнической солидарности в 2014–2016 гг. были на уровне 72–85%, а у людей других национальностей 69–95%. В 2018 г. среди русских солидарные установки были у 79–81% [Двадцать пять лет... 2018: 206], а у людей

Рисунок 1. Динамика этнической идентичности в 2005, 2015, 2018 гг.: выбор ответа «Мы – люди той же национальности» на вопрос «О ком Вы можете сказать, “Это мы”?» (в %) ¹

¹ По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) (14-я волна 2005 г., 24-я волна 2015 г., 27-я волна 2018 г.).

других национальностей 70–87%. То есть, несколько ослабли, но были широко распространенными.

Наши специальные исследования этнической идентичности показывали, что она у большинства не была конфронтационной российской идентичностью. В 2015 г. 91% респондентов, которые соглашались с мнением, «я никогда не забываю о своей национальности» и «человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» одновременно ассоциировали себя с гражданами России [Российское общество... 2015: 186]. Но в условиях ощущения опасности этническая солидарность становится мобилизирующим триггером. В 2017 г. 38% россиян в той или иной мере были согласны с тем, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». Заметных изменений за 2000-е гг. в этом не было — 41%, так думали наши респонденты и в 2011 г. Различий между русскими и людьми других национальностей по общероссийским опросам не было. Несколько меньше такое

Рисунок 2. Этническая солидарность у русских и людей других национальностей в 2014 и 2016 гг.: степень согласия с суждением «В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» (в %) ¹

¹ По данным проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018 гг.) (рук. ак. М. К. Горшков).

мнение разделяли молодые люди — 33% (среди тех, кто старше 60 лет — 42%). Практически столько же — 38% — соглашались с мнением «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и различий по этничности в этих радикальных представлениях не было.

Как уже говорилось, влиятельные ученые уводили от группизма. Мы все чаще использовали термин этничность вместо этнической общности, группы, переименовывали институты, в доктринальных документах и в политической практике ввели национально-культурные объединения, автономии, ослабляя преференции российских республик, этничность сводили всеми средствами к культурной отличительности, но деполитизация этничности оставалась в маятниковом режиме. Она оставалась наполненной этническими чувствами, которые поддерживали заинтересованность в поддержании статусных позиций, в уважении к достоинству людей той или иной национальности. Конечно, такие взгляды, интересы артикулировали активисты, лидеры. «Мы уже слышали резкие выпады... “мы – русские, а не россияне”, “мы – татары”, “мы – чеченцы”. В более мягкой форме ответ гласит: “Мы русские и россияне”, “мы татары и одновременно россияне” <...> Народы хотят сохранить свою уникальность, и в этом спасение человечества. Насколько это глубоко сидит в природе человека, говорит та эмоциональная страсть, с которой отстаивается право на свой язык и культуру. Это такое же чувство как право на жизнь, инстинкт самосохранения», — писал директор Института истории Академии наук Республики Татарстан, вице-президент Академии наук Республики Татарстан Р. Хакимов [Хакимов, 2013]. «Владение русским языком обязательно для каждого русского... каждый русский должен признавать православное христианство основой своей национальной культуры», «каждый русский чувствует глубинную эмоциональную связь с главными событиями своей истории», «...национальное самосознание неизбежно означает солидарность с судьбой своего народа» — это то, что записано в «Декларации русской идентичности», принятой на XVIII Всемирном Русском Национальном Собрании 11.11.2014 г.

Связанность с этничностью проявляется отнюдь не только при оценке языка, культуры народа теми, кто, по мнению человека, разделяет его представления об их значимости, но и при восприятии ее другими людьми, и тем более институтами власти. Поэтому культурные маркеры политизируются и приобретают символическое значение. Начиная с 1998 г., социологи стали задавать вопрос о значении этничности в государственном строительстве. На протяжении двадцатилетия очевидно, как поляризовалось массовое сознание в отношении статуса русских в государстве. По данным мониторинговых опросов, проведенных под руководством ак. М. К. Горшкова, до половины россиян в 2017 г. разделяли мнение «Россия — общий дом многих народов... Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». 30% считали, что «Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», и 10% полагали, что «Россия должна быть государством русских людей».

Почти за двадцать лет доля разделяющих последнее мнение не изменилась. Но тех, кто полагает, что русские должны иметь больше прав, стало больше на 10 пп., а тех, кто считает, что Россия общий дом и все народы должны обладать равными правами, уменьшилось с 64% до 48% (на 17 пп.). При этом, среди русских этого мнения придерживалось 45%, а среди людей других национальностей — 73% [Двадцать пять лет... 2018: 199–200]. Естественно, такие политизированные представления составляют риск в поликультурной стране.

Настроения эти турбулентны. Отвечая на вопрос «Следует ли государству в первую очередь поддерживать религию и культуру русских, как этнического большинства?», 63% высказались в поддержку такой политики (среди русских — 65%), но вместе с тем подавляющее большинство — 75% в той или иной мере поддерживали мнение «государство должно поддерживать культуру и религии всех народов России» [Двадцать пять лет... 2018: 201].

Некоторые итоги

Признание сложности поликультурного общества, культурного многообразия, равноправного участия людей независимо от этничности (национальности) в общественной жизни признается во всех цивилизованных странах. В принципе, из этого исходит Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г. Однако реально существующие представления в массовом сознании объясняют острые дискуссии вокруг понимания российской гражданской идентичности, требования общественных активистов и среди русских, и среди представителей республик ввести в доктринальное пространство термин не просто «укрепление единства российской нации», а «укрепление единства многонационального народа России (русской нации)», придания русскому языку не просто статуса государственного языка, но языка «государствообразующего народа».

В середине 1990-х гг. часто цитируемый Р. Брубейкер писал о постсоветских государствах, что либеральная модель гражданства в них — лишь идеологический камуфляж, а по сути, этнократическая форма правления, обеспечивающая культурное доминирование и политическую гегемонию господствующей государствообразующей нации [Brubaker, 1996]. С того времени стало очевидным, что при каких-то общих тенденциях во всем мире и в постсоветских странах «политики идентичности» в каждом государстве своеобразны. В России проводились законодательные акции по унификации государственно-административного пространства, гибко, но все же определенно унифицировалась политика в сфере образования, наконец, она прослеживалась в символической политике и не только. Вместе с тем было и принятие «Русского проекта» Единой Россией в 2007 г., и создание фонда «Русский мир» (2007 г.). Воссоединение с Крымом проходило в официальном дискурсе с презентацией ущерба русских как «разделенного народа». И наконец, при внесении поправок в Конституцию 1993 г., была принята формулировка «язык государствообразующего народа». Все говорило, с одной стороны, о стремлении к деполитизации этничности через унификацию, а с другой, кем-то могло восприниматься

как «этнизация» государственного пространства только через усиление позиции большинства. Одновременно в поправках к Конституции 1993 г. остались формулировки многонациональности, и в то же время не включена формулировка «российской нации». Амбивалентность в политических решениях объясняет сохранение противоречивых установок и в массовом сознании россиян. Какой-то позитивный выход мог бы быть найден через активизацию сознания россиян как гражданского общества. Но активисты, часто с либеральных позиций, трактуют этничность в нем как архаику. Они вспоминают о ней только тогда, когда им нужно мобилизовать этнические чувства для получения большинства голосов на выборах или как триггера протестных настроений. Так что турбулентность деполитизации этничности — это, скорее всего, наша длительная перспектива. Она базируется не только на инерционности массового сознания, но и амбивалентности политических решений, которые балансируют между деполитизацией этничности, сохранением культур, языков и интересами русского большинства.

Список литературы

- Абдулатипов Р. Г. 1996. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М.: Славян. диалог. 253 с.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. 1998. Этносоциология. М. 270 с.
- Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с.
- В рабочей группе по Конституции предложили заменить «многонациональный народ» на «многонародную российскую нацию» // Электронная газета «Бизнес ONLINE». 27.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/455166>. (дата обращения: 15.05.2020).
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

- Депутат Затулин внёс поправку о русских в преамбулу Конституции // Официальная страница депутата Государственной Думы РФ К. Затулина. 03.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://zatulin.ru/deputat-zatulin-vnyos-popravku-o-russkix-v-preambulu-konstitucii>. (дата обращения: 15.05.2020).
- Дробижева Л. М. 2018. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. № 6. С. 17–29.
- Интервью с профессором Т. Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4 (16). С. 6–14.
- Козлов В. И. 1996. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. № 6. С. 98–108.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).
- Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.
- Смит Э. Д. 2002. Национализм и историки // Нации и национализм: [Сб. ст.] / Пер. с англ. [и нем. Л. Е. Переяславцевой и др.]. М.: Праксис. С. 236–263.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002. 480 с.
- Тишков В. А. 1990. Об идее нации // Общественные науки. № 4. С. 83–96.
- Тишков В. А. 1992. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. № 1. С. 5–19.
- Тишков В. А. 1995. Что есть Россия? Перспективы нациестроительства // Вопросы философии. № 2. С. 3–17.
- Тишков В. А. 2019. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб.

- материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред.: М. Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 498–506.
- Тишков В. А. 2020. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 73–138.
- Хакимов Р. 1993. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань. 88 с.
- Хакимов Р. 2013. «Надо ли строить российскую нацию?» // Электронная газета «Бизнес ONLINE». 14.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/78509> (дата обращения: 15.05.2020).
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредерика Барта: пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.
- Brubaker R. 1996. Nationalism reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press. 216 p.
- Commaroff J. 2011. The end of anthropology, again: on the future of an in/discipline // The end of anthropology? / Ed. by Holgen Jebens and Karl-Heinz Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing. P. 81–112.
- Goetze D., Muehlfeld C. 1984. Ethnosoziologie. Teubner, Stuttgart. 326 p.
- Handelman D. The organization of the ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1. P. 187–200.
- Harold J. Abramson. 1976. On the Sociology of Ethnicity and Social Change: A Model of Rootedness and Rootlessness // Economic and Social Review. Vol. 8. No 1. P. 43–59.
- Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty // European Journal of Social Theory. Vol. 16. Issue 4. P. 476–491.
- The Soviet Empire: Its Nations Speak Out: the First Congress of People's Deputies, Moscow, 25 May to 10 June 1989 / Ed. by Oleg Lebov and John Growfoot. Harwood Academic Publishers, 1989. 189 p.

Verdery K. 2018. The dangerous shoals of ethnic groups and boundaries: A personal account // *Ethnic Groups Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years (Research in Migration and Ethnic Relations Series)* / Ed. By Thomas Hylland Eriksen, Marek Jakoubek. London: Routledge. P. 40.